

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 140:2(470+571)

DOI: 10.18384/2310-7227-2018-3-78-94

ЭКОНОМИКА КАК НРАВСТВЕННАЯ КАТЕГОРИЯ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Алёхина Е.В., Копосов Л.Ф., Глинский А.В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Аннотация. Целью статьи является выявление взглядов русских религиозных философов рубежа XIX–XX вв. на сферу экономической жизни общества. Основное содержание исследования составляет анализ текстов В.С. Соловьёва, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского в сопоставлении с исследованиями предпринимательской этики зарубежными учёными – М. Вебером, В. Зомбартом, Л. Эрхардом. Проведённый анализ показал, что для русских религиозных философов рубежа XIX–XX вв. характерны утверждение определяющего влияния на сферу экономической жизни общества духовно-нравственной ориентации человека, критическая оценка теорий экономизма и социологизма как проявлений антигуманных (технократических) тенденций в развитии человека и общества, фетишизирующих производство в ущерб развитию личности, обоснование православно-христианской этики хозяйства как основы самобытного пути России, отвержение буржуазно-либерального и социалистического вариантов социального реформирования. В качестве альтернативы философы разрабатывают идею христианского социализма. Авторам удалось актуализировать проблематику нравственной легитимности рыночной экономики, объединив прагматическую мотивацию с традиционной этикой служения, обобщить новый материал по исследуемой теме в работах современных философов и экономистов.

Ключевые слова: русская религиозная философия, личность, экономизм, социологизм, христианский социализм.

ECONOMICS AS A MORAL CATEGORY IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

E. Alekhina, L. Koposov, A. Glinski

Moscow Region State University

141014, Moscow region, Mytishi, ul. Vera Voloshina, house 24

Abstract. The aim of the article is a philosophical analysis of the views of Russian religious thinkers of the 19th–20th centuries on the economic life of the society. The research is generally based on the analysis of the texts of V.S. Solovyev, S.N. Bulgakov, P.A. Florensky in comparison with the studies of business ethics by foreign scientists – M. Weber, W. Sombart, L. Erhard. The analysis showed that the Russian religious thinkers of the turn of the 19th–20th centuries argued that spiritual and moral values had determining influence on the economic life of the society and criticized the theories of economism and sociologism as manifestations of anti-human (technocratic) tendencies in the development of an individual and the society fetishizing production at the expense of personality development. As an alternative the Russian religious thinkers considered the idea of Christian socialism and proved that the Orthodox Christian ethics of economy should have been a foundation of Russia's unique development, thus rejecting bourgeois-liberal and socialist options for social reforming. The authors of the article managed to find a new treatment of the problem of moral legitimacy of the market economy by combining pragmatic motivation with traditional ethics of service and reviewing the works of modern philosophers and economists.

Key words: Russian religious philosophy, personality, economism, sociologism, Christian socialism.

Капиталистическая экономическая система, возникшая на руинах СССР, создала проблему обоснования её нравственной легитимности, единства “достижительной” прагматической мотивации с культурными ценностями русского народа, с традиционной этикой служения “Богу, царю и Отечеству”. Проблема легитимности рыночных реформ связана с заимствованием внешних принципов, идеологием, ценностей, сформировавшихся в иной социокультурной среде. Социальные науки и философия, не довольствуясь только формальным, юридическим узакониванием тех или иных видов деятельности, должны теоретически обосновать её истинность, справедливость и гуманность. В России постоянно выходят работы, посвящённые проблеме отношения экономики и нравственности (В.С. Антонова,

А.И. Агеева, В.В. Радаева, Г.П. Черникова и др.). Философия хозяйства как традиция отечественной философии представлена современными философами и экономистами. Ю.М. Осипов определяет понятие “философия хозяйства” как «вольно-потокое знание-размышление о целостном жизнеотправлении деятельного и творящего человека, о сути, способах и ходе сего жизнеотправления, его телеологии (целеполагании) и эсхатологии (достижениях и завершениях)» [12, с. 276]. В.К. Королев, реконструируя основные антропологические идеи “Философии хозяйства” С.Н. Булгакова, показывает их развитие Ю.М. Осиповым и подчёркивает «необходимость конкретизации модернизационных установок философии хозяйства для современного человека» [10, с. 38]. М.С. Байнова, А.В. Петров [1], Л.М. Ипполитов

[8] дают современную трактовку идеям С.Н. Булгакова. Н.Б. Шулевский с историософской точки зрения выделяет «некоторые свойства и смыслы русской экономико-хозяйственной мысли в связи с трактовкой термина “экономика”, который содержит в себе два противоположных смысла, идущих от аристотелевского различения экономики как домохозяйства и как хрематистики. Экономика-хозяйство занимается всей полнотой жизнеотправлений человека, обеспечивая его телесное сохранение и воспроизводство его духовного мира. Но экономика-хрематистика занята бесконечным ростом денежного богатства в целях смерти. Специфика русской экономической мысли – в неприятии экономики, заражённой хрематистикой» [18]. Разделяя эти оценки, Ф.И. Гиренок делает вывод, что «в основании хозяйства лежит не прибыль, а труд и семья» [5], А.В. Кузнецов показывает «повсеместное сужение жизненного пространства человека в процессе полномасштабного развёртывания потребительской цивилизации» [11, с. 86].

Предпринимательская этика основательно исследовалась зарубежными учёными – М. Вебером, В. Зомбартом, Э. Трегельм, Г. Шмоллером, Т. Парсонсом и др.

Вопрос о взаимосвязи нравственности и экономики, морали и бизнеса в истории философской мысли имел различное решение. Одни – прагматики – убеждены, что моральная ответственность, нравственные чувства и переживания снижают деловую активность и мешают бизнесу, для которого главная цель – прибыль. Эту позицию отстаивал известный представитель чикагской школы экономики второй

половины XX в., сторонник либеральной рыночной экономики, монетарист М. Фридман, который пользу всякой деятельности проверял “максимально возможной прибылью”. Наши реформаторы 1990-х гг. активно разделяли эту точку зрения, что привело к катастрофическим последствиям их революционных преобразований в социально-экономической сфере. Иная позиция по вопросу о взаимосвязи экономики и нравственности утверждает положительное влияние морали на экономику, ибо добропорядочность способствует долгосрочной эффективности бизнеса, в то время как нарушение моральных норм разрушает как личность предпринимателя, так и общество в целом. Эту точку зрения изложил Генри Форд в своей книге «Моя жизнь. Мои достижения», в которой он советует работу на общую пользу ставить выше выгоды.

Проблема отношения нравственности и предпринимательства получила особую остроту в эпоху становления капитализма в XVIII в. в работах Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», «Теория нравственных чувств». В них он вводит понятие “экономический человек”, для которого естественно стремиться к максимальной выгоде. Однако, кроме эгоистического интереса, в рыночной экономике действует ещё “невидимая рука” – божественный нравственный миропорядок. Поэтому общество, основанное на корыстных отношениях, может какое-то время существовать, но его процветание и благоденствие возможно, если преобладают нравственные отношения – любовь, дружба, уважение, благодарность.

В первой четверти XX в. о взаимосвязи рыночной экономики и буржу-

азной этики писал немецкий социолог Макс Вебер в широко известной работе «Протестантская этика и "дух капитализма"». Отвергая экономический детерминизм марксистов, абсолютизировавших феномен собственности, отчуждения и классового деления общества и превозносивших возможности социализма по их преодолению, Вебер считал, что социальные противоречия возможны в любом обществе, а социализм, основанный на централизации экономической и политической власти, будет расширять власть бюрократии в ущерб свободе личности. Но главным в творчестве Вебера было не столько обоснование религиозно-нравственной основы современного рыночного капитализма с его главным принципом "профессиональный труд как долг" в служении Богу, сколько принятие протестантской рациональности с её количественным подходом к человеческой деятельности [4, с. 183]. Прибыль и капитал становятся средством самореализации, они определяют достоинство человека, свидетельствуя о его "богоизбранности". Из протестантского принципа оправдания верой ("веруй и делай, что хочешь") следует, что именно предпринимательская деятельность с её рисками и непредсказуемостью является самым благоприятным полем для действия Промысла Божьего, а деловые успехи свидетельствуют о богоизбранности бизнесмена.

Немецкий экономист В. Зомбарт (1863–1941) в известном трёхтомном произведении «Современный капитализм» утверждал, что предприниматель должен обладать духовной свободой, энергией, постоянством воли, организаторскими способностями,

умением хорошо вести переговоры и убеждать клиентов, решительностью и готовностью к риску.

Заслуживает внимания творчество ещё одного немецкого теоретика организации экономической жизни страны – Л. Эрхарда (1897–1977), одного из создателей концепции социального рыночного хозяйства. В определении принципов экономической политики Эрхард настаивал на идее всеобщего блага ("благосостояния для всех"), достижение которого невозможно без соблюдения хозяйственной целесообразности и социальной справедливости. Главное, что объединяет его с Вебером, – рационализм, вера в то, что люди готовы делать то, что служит их же благу, не только по принуждению законов, но и в силу понимания собственной выгоды. Характерный для протестантизма этический рационализм противопоставляется восточным религиям, а также католицизму и православиям с их мистицизмом, созерцательностью, настороженным отношением к разуму. В книге «Социология религии» Вебер противопоставляет "сломленного миром", покорного и уединённого аскета-мистика "мирскому аскетизму" протестанта, под которым понимает трудолюбие, бережливость, расчётливость, активную жизненную позицию.

Как решался вопрос о взаимосвязи нравственности и экономики в России? Существует мнение, что в православии нет хозяйственной этики. Однако уже в XIX в. на русской почве оформляются фундаментальные идеи философии хозяйства и хозяйственной этики, которая разрабатывалась в XIX – начале XX вв. В.С. Соловьёвым, С.Н. Булгаковым, В.Ф. Эрном, П.Н. Савицким и

др. Основной постулат русской философии хозяйства – это представление о том, что экономика связана с нравственным отношением человека к природе, земле, людям и Богу. Хозяйственные элементы должны быть связаны и определены нравственными целями, которые способны объединить общество, определить перспективу его развития. Экономика (включая деньги, торговлю, банки, собственность, вообще материальный интерес) должна иметь служебный, а не господствующий, зависимый, а не самостоятельный характер, должна быть средством, а не целью.

Принципиально важно отметить традиционную для русской религиозно-философской мысли тему самобытного пути России, отвержения буржуазно-либерального и социалистического вариантов социального реформирования. Проблемой растущей дегуманизации общества были обеспокоены философы и писатели конца XIX – начала XX в.: Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв, Л.Н. Толстой, С.Н. Булгаков и другие мыслители. Единодушны они были в критической оценке материалистического и идеалистического понимания истории. Поэтому обращение к их наследию в период социально-политических потрясений не должно показаться неуместным. Напротив, оно помогает увидеть суть происходящего, как писал С.Н. Булгаков, «в религиозном созерцании подняться выше своей эмпирической ограниченности», и увидеть духовную войну, в которой подготавливаются и в значительной мере предопределяются внешние события, и, поняв главные причины трагических событий XX в., духовно мобилизоваться.

Представляется корректным начинать социально-философский анализ с определения общественного бытия как основы, “первоначала” социальной, вечного существа общественной жизни, связывающего индивидов в целостное общество. Следуя этому принципу, В.С. Соловьёв ставит вопрос: «Какая деятельность первична?» – и в работе «Философские начала цельного знания» даёт классификацию человеческой деятельности, выделяя три сферы – творчество, знание и практику. Первенствующее значение во всех этих областях он отдаёт религии, поскольку только при опоре на абсолютные ценности возможно подлинное единство людей.

Разделяя указанный методологический принцип, П.А. Флоренский осуществляет классификацию форм социальной деятельности. Её основными видами являются три: теоретическая как система взглядов о мире, человеке как личности, Боге; практическая (хозяйственная) – производственная и вся материальная культура; литургическая (культовая), которая “производит святости”. Какая же из них является для Флоренского первичной, базисной? Им отвергается рассудочный и утопический идеализм с его упрощённым схематизмом, порождающий идеократическое и тоталитарное общество (в “великих” идеологиях “вначале придумывается что надо”, а потом этот “проект ... якобы осуществляется”). Ошибочным представляется ему также материалистический подход, постулирующий как исходную хозяйственно-экономическую деятельность, крайне принижающий ценность и силу свободной личности, редуцирующий всё многообразие жизни к экономическим

потребностям. С позиции “конкретного идеализма” П. Флоренского определяющей деятельностью в обществе является культовая активность, точнее, участие в литургической жизни церкви, в этом случае происходит гармоническое объединение практической, вещной стороны жизни человека и духовной, сверхчувственной. Поэтому жизнь верующего человека реализует его высшие возможности как личности, ибо «человек есть homo liturgus» [16, с. 109]. При активном участии в жизни церкви освящаются все прочие виды деятельности – экономическая, научная, эстетическая, выстраивается истинная иерархия различных сфер человеческой деятельности, которые, в свою очередь, должны служить, приводить к «церковному пониманию жизни и мира» [17, с. 345].

Определившись в главном, обратимся к анализу русскими религиозными философами экономики в системе нравственных координат. Согласно философской концепции В.С. Соловьёва, материально-экономическая деятельность человека должна базироваться на принципе воздержания “от дурной плотской безмерности” для достижения цели одухотворения и очеловечивания материальной природы – своей и внешней [15, с. 535]. Безусловность нравственного начала в сфере экономики во многом противоречит реальной экономической действительности, которая подчиняется принципу “безмерного размножения потребностей”. Однако, как известно, распространённость какого-либо явления не делает его истинным, а нарушение нравственных норм снижает его ценность.

Хозяйственно-экономическая область деятельности человека в теории

В.С. Соловьёва теряет свой “базисный” характер и становится по существу “надстройкой”, вернее, приобретает тот или иной нравственный смысл. С этих позиций он демонстрирует несостоятельность и буржуазной политической экономии, и социалистической доктрины, видящих в человеке только производителя и потребителя вещественных благ. Сам по себе производительный труд, вне цели, убеждён В.С. Соловьёв, ещё не выражает сущности и достоинства человека. Экономическая политика, исходящая из трудовой концепции происхождения природы человека и провозглашающая вседозволенность и “свободную игру” экономических интересов, неизбежно приводит общество к разложению и гибели. Напротив, общество только тогда имеет перспективу, когда хозяйственные элементы связаны и определены целями нравственными, а человек ценится как нравственная личность. Труд как жизненная необходимость по удовлетворению потребностей только побуждает к деятельности, дальнейший ход которой определяется уже мотивами психологическими и этическими. Как правильно отмечает В.С. Соловьёв, потребности человека могут быть умеренными, а могут быть безграничными, извращёнными и преступными, которые не должны удовлетворяться. Но для того чтобы в них разобраться, нужно использовать нравственный критерий для их оценки.

Одна из наиболее важных и сложных проблем философии экономики – осмысление нравственно-этических аспектов труда и собственности. В последние годы понятие “труд” исчезло из учебников и словарей по соци-

ологии. Труд – основа существования человека – определяет его место в обществе, служит одной из важнейших форм служения обществу, реализации личностью смысла жизни; это деятельность человека, имеющая своей целью производство благ и услуг удовлетворения человеческих потребностей. Целенаправленность труда означает его осмысленность, т. е. связь со смыслом жизни. Идея собственности – узловая проблема хозяйства. Собственность – присвоение благ в социально определённой форме, имущественное отношение, фиксирующее, что, кому и в каком количестве принадлежит.

В.С. Соловьёв даёт более точное определение понятия труда, чем в политэкономии. Не просто как «деятельность человека, вытекающая из его потребностей, обусловленная его способностями, прилагаемыми к силам природы, и имеющая целью производство наибольшего богатства», но, с точки зрения нравственной, «труд есть взаимодействие людей в области материальной, которое, в согласии с нравственными требованиями, должно обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своём назначении должен преобразовать и одухотворить материальную природу. Такова сущность труда со стороны его высшей причинности» [15, с. 429]. С духовно-нравственной точки зрения, которую отстаивает В.С. Соловьёв, собственность, определяющая производственные отношения, в большей степени относится к области права, нравственности и психологии.

Из утверждения, что экономиче-

ское развитие зависит от следования нравственному закону, определяется мотивами (склонностью, например, к удовольствию или стяжательству) и свободным выбором человека, В.С. Соловьёв ставит под сомнение существование “естественно-экономических законов”, как на том настаивал основоположник политической экономии как “точной науки” Дж.Ст. Милль. В.С. Соловьёв утверждает обратное: «Самостоятельный и безусловный закон для человека ... один – нравственный, и необходимость одна – нравственная ... Никакой экономической необходимости нет и быть не может, потому что явления хозяйственного порядка мыслимы только как деятельность человека – существа нравственного и способного подчинять все свои действия мотивам чистого добра» [15, с. 412]. Значение экономики как материальной сферы жизни общества состоит в том, чтобы через неё осуществлялось действие нравственного закона, т. е. добродетели.

С этих позиций В.С. Соловьёв отвергает ложные принципы не только либеральных (“школьных”, как он их называет) экономистов, но и социалистические учения, ставшие своеобразной религией в течение двух столетий. Философ хочет продемонстрировать их безнравственный характер, несмотря на декларации о справедливом распределении материальных благ, о защите прав трудящихся и т. п. Он показывает, что эти теории в социальной философии и в философской антропологии исходят из ложного принципа материализма. Сам факт распространения экономического материализма и экономизма выражает смысл жизни западной цивилизации, в котором

«главным делом всё более и более становится вещественное богатство, и сам общественный строй решительно превращается в плутократию» [15, с. 414]. Напомним, что со времён античности плутократия как власть богатых оценивалась как безнравственное общество, хуже была только тирания.

Таким образом, в противоположность прагматическому пониманию сущности труда в русской религиозной философии он рассматривался через призму духовно-нравственного смысла жизни, свободного нравственного самоопределения. Солидарное общество базируется на принципе служения и долга перед самим собой и Богом, давшим заповедь честно трудиться. Прав В.С. Соловьёв, утверждая: «Кто отказывается признать эту истину в принципе, тот почувствует её фактическую силу в финансовых крахах и хозяйственных кризисах» [15, с. 416].

Обращаясь к марксистской социалистической доктрине с её принципом материалистического понимания истории, упором на промышленную деятельность и преобладание экономических интересов над всеми остальными, В.С. Соловьёв относит такой социализм к «мещанскому царству». Затем следует пророческий вывод: поскольку в социалистических теориях человек оценивается прежде всего со стороны производственно-экономической деятельности, его ничто не ограждает от эксплуатации, с которой якобы борется социализм. Как же выйти из состояния постоянной классово-вой борьбы и социальных потрясений? В.С. Соловьёв видит единственный выход: вернуться к нравственности и тем самым решить «социальный во-

прос». Нравственность и три её безусловных начала – стыд, жалость и добровольное подчинение Богу – определяют принципы отношения к миру вещей (аскетизм) и людей (альтруизм). Все эти начала взаимообусловлены и непреложны. Особенно важна личная нравственность в сфере государственного управления.

Идейный последователь В.С. Соловьёва С.Н. Булгаков отмечает важнейшую черту общественного сознания XX в. – его экономический материализм («маммонизм»), вытеснивший христианский аскетизм. Колоссальные темпы развития хозяйства, рост богатства соединялись с утратой свободы, экономической зависимостью человека от государства: в так называемом цивилизованном обществе, отмечает он, хозяйственная деятельность «стремится стать не только одной из сторон жизни, но единственной или по крайней мере определяющей ... В результате получается экономизм как особое мироощущение и мировоззрение ... Человек ощущает себя в мире лишь как хозяйствующий субъект (economic man) ... для которого хозяйство есть чисто коммерциализм, а хозяйственный инстинкт, или эгоизм, полагается в основу жизни» [2, с. 553].

Классическое выражение экономизма С.Н. Булгаков находит в «историческом материализме» К. Маркса и социалистической доктрине, не принимая марксистской теории истории как «естественно-исторического процесса» по причине её механицизма и социологизма. В ней, пишет он, «человеческая жизнь представляется механизмом причин и следствий, а история рассматривается как область исключительного господства неизменных

законов. Её ход подобен наперёд заведённому часовому механизму, и на этом основании возможны научные предсказания будущего, “прогноз”; социология приравнивается ... астрономии или вообще “математическому естествознанию» [3, с. 191]. Вне отрицания значения продуманной и просчитанной хозяйственной политики, ограничивающей естественный эгоизм, главным средством совершенствования общества является для него всё же путь нравственно-аскетический, а главным делом государства – воспитание граждан в русле “христианской политики”. Главный его тезис: не человек для хозяйства, а хозяйство для человека.

С позиций личности как свободно-творческого центра С.Н. Булгаков старается в принципе размежевать понятия “экономический” и “материалистический” (их отождествление свойственно марксизму). Экономическая деятельность человека как выражение взаимодействия человека и природы направляется духовно-нравственными ценностями. При этом Булгаков намечает предельность свободы человека, который «может быть подобием Божиим и участвовать в “возделывании Эдема” и может растлить землю, став только “плотью”, как предпотопное человечество, или сделаться орудием дьявола в своём человекобожном и миробожном отложении от Бога. Мощь есть лишь средство для свободы и орудие свободы. Но сама свобода ... всегда свойственна человеку, как образ Божий в нём» [3, с. 190].

Свобода человека, конечно, определяется обществом как объективная данность, но не отдаётся ему пассивно, механически, а подчиняется творче-

ски. Характеризуя методологическую установку С.Н. Булгакова в определении детерминант социального развития, Л.А. Зандер отмечал, что основными категориями являются для него не “законы”, а “идеалы”, т. е. ценности, цели, смыслы [7]. Соглашаясь с такой оценкой, И.Б. Роднянская [14, с. 7] уточняет, что социальная жизнь понимается С.Н. Булгаковым как арена действия духовных сил, в своей основе – богочеловеческих и человекобожеских.

Занимая критическую позицию по отношению к политэкономии и социологии в том значении, какое они получили в позитивизме, С.Н. Булгаков отмечает условно-прагматический характер экономических категорий и статистических закономерностей в социологии, не способных помочь раскрыть реальные факты экономического расцвета или упадка: «Политическая экономия, – разъясняет он, – остаётся чужда философской антропологии и ещё более далека от всякой натурфилософии, – природа в ней без дальних рассуждений рассматривается в ней как мастерская или кладовая ... [сырья], словом, только как возможность хозяйственного труда. Этот труд она считает главным, даже практически единственным фактором производства ... Отсюда необыкновенная живучесть априорно принимаемых “трудовых” теорий ценности труда, капитала, прибыли» [3, с. 241]. Задача учёного, по мнению Булгакова, показать единство экономической теории и экономической политики руководителей государства, наличие у них таких качеств, как практический разум, здравый смысл, совесть и ответственность. Таким образом,

нравственное сознание властвующей элиты становится решающим фактором развития экономики страны.

Возвращаясь к древнему библейскому двойственному пониманию труда – “в поте лица” и “обладайте и владычествуйте над всею землею”, С.Н. Булгаков трактовал это так, что человек – не полноправный господин над природой, а управляющий, подотчётный Богу как подлинному хозяину. Особая ответственность перед трудящимися и Богом лежит на властной элите, которая не должна злоупотреблять своим положением. Отвергая как капитализм, делающий труд предметом купли/продажи, так и социализм, превращающий труд в работу на систему, он свои надежды связывал христианским социализмом.

Развивая идеи В.С. Соловьёва о софийности (премудрости, гармоничности) мироздания уже применительно к хозяйственной деятельности человека, С.Н. Булгаков рассматривает экономический процесс по своему предназначению как целесообразный, реализующий высший замысел Творца о мире, несмотря на все «ошибки, уклонения, неудачи» [3, с. 115]. Далее следует весьма актуальное для современных биотехнологий замечание: содержанием хозяйственной деятельности человека является не творчество жизни – «жизнь дана в мире, она несводима к его элементам и необъяснима из них ... изошла из внемирного Источника Жизни» [3, с. 116], но защита и расширение жизни. Как по причине грехопадения человека природа покорилась закону смерти, так и без человека не может победить смерть. Человеку дано овладевать силами природы во имя утверждения жизни, но при

условии исполнения заповедей Божиих, отклоняя соблазн магического овладения миром с помощью техники и хозяйства для чисто земных целей.

Стараясь определиться с подлинно христианским отношением к труду и сфере хозяйственно-экономической деятельности в частности, С.Н. Булгаков обращается к аскетической идее “свободы от мира”, “дурной бесконечности” прогрессивного развития как технократической мечты строительства очередной “вавилонской башни” глобальной экономики и мировой политической империи. «Не нужно, – считает Булгаков, – до конца предаваться заботам и интересам мира сего, каковы бы они не были, нужно соблюдать по отношению к ним известную внутреннюю дистанцию, сохранять духовную свободу ... для большинства (т. е. не монахов) должно принимать участие в делах мира сего, однако без страсти, без энтузиазма, лучше всего во имя “святого послушания”» [2, с. 623]. Такая позиция объясняется тем, что для христианства безусловную ценность имеет только спасение души, социальный прогресс сам по себе такой безусловной ценности не имеет.

Истина экономической свободы, как принято у С.Н. Булгакова, выражена в антиномии: свобода через хозяйственную мощь, но и от хозяйства как своеобразное “юрдство” ради Христа. “Трагедию хозяйства” Булгаков видит в его ограниченности и неспособности стать для человека содержанием осмысленной жизни. Аналогичным образом он замечает трагедию искусства и трагедию философии в их неспособности быть жизнью в Красоте и Истине. Все эти сферы деятельности

человека, убеждён он, не несут в себе подлинного соборного начала и сами нуждаются в освящении через возвращение к ценностям православной культуры.

Технократический идеал расцвета хозяйственной деятельности он называет “лжеэсхатологией” (антиутопией), причисляя к ней различные экономические и социальные теории. С христианской эсхатологической точки зрения в конце истории хозяйство, как и всё временное, должно прерваться. В вечность уйдёт только то, что делалось ради любви (“голодного накормить” и т. п.). К тому же, считает Булгаков, в хозяйстве «созидается историческое тело человечества, которому надлежит измениться в воскресении» [2, с. 568].

В то же время проблему экономического развития России ещё в XIX в. С.Н. Булгаков видит в том, что «развитие производительных сил и вообще ценности производительного труда, в сущности, находит далеко не достаточную оценку в нашем общественном сознании ... Стремление к развитию производства и творческая инициатива слишком часто рассматриваются у нас как “буржуизм”, стремление к наживе» [2, с. 364]. Булгаков формулирует важнейшую задачу – признание развития производительных сил как общенародного дела, в котором заинтересована вся нация, отношение хозяйственных субъектов к своей деятельности как к виду общественного служения и религиозному долгу.

Итак, С.Н. Булгаков рассматривает хозяйство как явление духовной жизни, связывая различные типы (“эпохи”) хозяйства не с техническими изменениями, а с хозяйственным “этосом”, тем самым подчёркивая ре-

шающее значение личности: «всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и, в свою очередь, является порождением этого духа, каждая экономическая эпоха имеет свой особый тип “экономического человека”, порождаемый духом хозяйства» [3, с. 187]. Экономическая проблема, как и всякая другая принципиальная проблема, поставила перед С.Н. Булгаковым изначальный для философствующего сознания нравственный вопрос о смысле жизни и, в конечном счёте получает решение его в области религиозного сознания. «Иное содержание, – уверен он, – не имеет и не может иметь философия, достойная своего имени и подлинно проникнутая любовью к мудрости, а не к умным ненужностям» [3, с. 260].

Сегодня, когда осознаётся необходимость “социального государства”, ощущается ностальгия по социалистическому прошлому, к наследию русской религиозной философии, к творчеству С.Н. Булгакова обращаются современные отечественные философы. Именно на идее софийности хозяйства основывается выдающийся российский экономист Ю.М. Осипов [12], противопоставляя софийность “нормального” национального хозяйства экономике, ориентированной на прибыль и становящейся в итоге “финансомикой”, при которой экономический рост не равнозначен росту благосостояния народа. Его мысли созвучны с рассуждениями экономиста и политолога С.Г. Кара-Мурзы о системах жизнеобеспечения государства и причинах их разрушения в России в конце XX в. [9].

В России введение ключевых институтов рыночной экономики привело к формированию “стационарно пере-

ходной экономики”, к резкому обогащению небольшой части населения (1–3%) и обнищанию остальных, росту преступного бизнеса, ослаблению государственной власти. Российский капитализм получил преимущественно не производительную, а финансово-торговую направленность с приоритетом высокой и быстрой прибыли, умеющий перераспределять общенародное богатство, а не создавать его и приумножать. Государство провозглашает приоритетной заботу о формировании социально-ориентированной экономики, человека как цели, а не как средства социально-экономического развития. Однако существует проблема расхождения между стратегией и реальными тенденциями социально-экономического развития. Поэтому как никогда актуально формирование экономической модели и экономической культуры, в которой духовные и нравственные принципы являются основой хозяйственного поведения субъектов рынка, способствуют созданию солидарного и справедливого общества. Необходимо вспомнить традиции дореволюционного предпринимательства, основанного на духовно-нравственных ценностях (совесть, честь, милосердие, Отечество, Правда), которые должны стать ядром культуры и экономического сознания современной российской бизнес-элиты. Ведущие предприниматели императорской России П. Третьяков, С. Мамонтов, И. Сидоров, И. Морозов, А. Сибиряков, Н. Машаров, И. Колокольников, И. Сытин и многие другие являли собой пример деятельного служения Богу и Отечеству. Они были успешными хозяйственниками, но одновременно и активными благотво-

рителями, поддерживали искусство, медицину, образование. В настоящее время основными нравственными принципами экономической деятельности для большинства высшей бизнес-элиты являются прагматизм, утилитаризм и гедонизм с их нигилизмом и цинизмом, что находится в противоречии с особенностями русского менталитета и православными ценностями, с их отрицанием материального интереса как смысла жизни. Россия находится на третьем месте в мире по числу миллиардеров, но крупному бизнесу ещё предстоит осознать свою социальную ответственность.

Для повышения гражданской ответственности личности, культуры делового общения в сфере бизнеса и предпринимательства крупные корпорации разрабатывают собственные кодексы. Не умаляя важности кодексов корпоративного управления, отметим, что в данном случае речь идёт о рекомендательных актах на уровне правового регулирования. Например, п. 3 ст. 10 Гражданского кодекса РФ закрепляет принцип добросовестности и разумности участников гражданского оборота, однако точный смысл этих категорий в правовом поле не раскрыт, отсутствуют какие-либо критерии их оценки.

Наряду с кодексами корпоративного поведения необходимы формирование и активное внедрение в практику *этического кодекса предпринимателя*, который должен включать общие этические принципы: совесть, заботу о деловой репутации и законопослушность. Именно они определяют порядочность личности в поступках, способствуют оптимизации партнёрских взаимоотношений, созданию

доброжелательной нормальной обстановки, делают предсказуемой поведение субъектов взаимодействия.

Подход к экономической сфере с религиозно-нравственных позиций подтвердил свою правильность в новейшей советской истории. Длительная диктатура иллюзий и идеологических догм, обосновывающих правомерность отделения трудящихся от собственности и монополию государства на управление, насильственное навязывание мировоззрения с господствующим в нём экономическим материализмом, технократизмом и атеизмом привели к нравственной деградации людей, к утрате чувства ответственности. Оказалось, что великая Россия многим не нужна, национальная идея неведома, идеалы находятся “на стороне далече”, потребительство становится смыслом и образом жизни.

Для иллюстрации обратимся к новейшей отечественной истории XX в., пережившей организованные политической элитой две революции (февраль–октябрь 1917 г. и 90-е гг.), разрушившие всю систему государства, что привело к неисчислимым экономическим и народным потерям. Именно поэтому известный экономист и политический деятель академик С.Ю. Глазьев подчёркивает роль идей, которые овладевают умами представителей высших эшелонов власти. Решая поставленную современную задачу модернизации российской экономики, на первое место он ставит способность властвующей элиты и политического руководства к собственной духовной и нравственной мобилизации в интересах страны: если люди не могут меняться сами, их необходимо заменять. Этот вывод сделан им из анализа механизма

разрушения советской государственности: «Советский Союз не спасли ни ракеты с разделяющимися ядерными боеголовками, ни мобилизационные мощности, которые оказались невосребованными в силу поражения руководства страны когнитивным оружием противника». К методам “мягкой силы” гибридной войны он относит следующие элементы: дискредитацию и разрушение государственной идеологии, внедрение ложных ориентиров и системы ценностей, что приводит к замутнению не только общественного сознания, но и сознания властвующей элиты, которая превращается в прослойку “агентов влияния”, работающую на разрушение существующей системы власти и управления путём проведения самоубийственной политики “реформ”. Дальнейшее свержение слабеющей власти и создание маррионеточного режима используются геополитическим противником для разграбления и последующей эксплуатации страны [6, с. 24, 25]. Исторический опыт трёх (с учётом Великой Смуты XVII в.) постигших нашу страну катастроф и выхода из них позволил академику Глазьеву выявить закономерности восстановления русской государственности, среди которых лидируют необходимость сильной верховной власти и оформленной государственной идеологии. Выход видится в идее успешной деятельности в контексте традиционных духовных ценностей общества, в подчинении высшим нравственным и религиозным принципам устройства самобытной русской цивилизации, в конечном счёте в переориентации политической воли властвующей элиты и экономической политики на благо своих граждан.

Примером успешного экономического уклада, сочетающего государственное планирование и рынок, частную и общественную собственности являются для него Китай, Индия и Индокитай, которые опираются на традиционные культурные нормы. Хозяйственный уклад этих стран-цивилизаций ограничивает капиталистические отношения, ориентирующиеся на западную финансово-монополистическую модель.

Рыночная система хозяйствования, существующая в России более четверти века, сменившая административную систему управления, и сделавшая предпринимателей важным субъектом экономического процесса, поставила перед обществом задачи нравственной легитимности буржуазного типа хозяйствования (с частной собственностью, ориентацией на прибыль и экономической свободой) и формирования национальных принципов предпринимательской этики. Без решения этой двуединой задачи бизнес не может быть эффективным, а общество – консолидированным. Отсутствие нравственного одобрения бизнеса общественным большинством и осуждение его разрушительных последствий для экономики, культуры и исторической перспективы страны в целом свидетельствуют о неорганичности проводимой экономической политики. Стагнация хозяйства, дезинтеграция общества, имущественный раскол и социальные конфликты становятся угрозой для национальной безопасности.

В определении общих условий успешной предпринимательской деятельности, введении её в контекст духовной жизни общества, обосновании

её подчинённости высшим духовно-нравственным ценностям и принципам “русского мира” как самобытной цивилизации заключается задача отечественной философии, которая не может предлагать определённых планов общественного устройства, но теоретически обосновывает важнейшие мировоззренческие ориентиры.

Обращение к опыту наиболее успешных экономик мира, как правило, свидетельствует об ограниченности их экономических концепций рамками конкретной религиозной рациональности – протестантской, индубуддистской, исламской. Рациональность как относительно устойчивая совокупность правил, норм, стандартов познания и деятельности людей, как целесообразность (практическая эффективность), осмысленность (соответствие высшей ценности жизни человека) и логическая обоснованность всегда опосредована культурой, её традициями и определённой системой ценностей. Концепции “культурной самобытности” предполагают, что каждому такому обществу свойственны своя экономика, стиль экономического мышления, свои проблемы и методы их решения, свои нравственные принципы успешной деятельности. Концепции “незападных экономик” базируются на убеждении, что реализация религиозных (спасение в вечности) и нравственных ценностей (альтруизм, коллективизм и солидарность) первична по отношению к материальному благосостоянию и экономическому прогрессу, что экономический рост укрепляет национальную идентичность, солидарность, решает общегосударственные задачи, способствует совершенствованию личности.

Заимствование постсоветским предпринимательством западной модели находило теоретическое обоснование в идеях немецкой школы социальной мысли XX в., для которой был характерен протестантский рационализм как этический принцип утилитаризма и прагматизма, подчинивший все сферы жизни строжайшей калькуляции. Количественный (денежный) подход стал критерием качества личности, свидетельством избранности или отверженности.

Возможность выхода из кризиса и формирование нравственной легитимности постсоветского предпринимательства в России связаны с восстановлением деформированной ценностной системы, с формированием ясных представлений о целях и перспективах развития страны и путях их достижения, наконец, с установлением

в обществе консенсуса по этим проблемам. Профессионализм в экономической деятельности необходимо связан с освоением предпринимательской этики.

Обращение к русской философской классике помогает понять, что в общественной жизни существуют наряду с эмпирическими закономерностями онтологические – вечные и неизменные – духовно-нравственные законы, с которыми необходимо считаться при социальном планировании, реформировании, иначе они будут неосуществимы или приведут к противоположным результатам. При экономическом кризисе прежде всего следует заботиться об оздоровлении корней, искать правду, а не выгоду – “и это всё приложится вам”.

Дата поступления статьи 31.08.18 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байнова М.С., Петров А.В. Культура и современная хозяйственная система в творчестве Сергея Булгакова // *Философия хозяйства*. 2013. № 5. С. 36–45.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: АСТ, 2001. 671 с.
3. Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М.: Наука, 1990. 412 с.
4. Вебер М. Протестантская этика и “дух капитализма” // Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 61–273.
5. Гиренок Ф.И. Горизонты русской философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 2013. № 5. С. 19–35.
6. Глазьев С.Ю. Бойтесь данайцев, дары приносящих // *Русский дом*. 2018. № 8. С. 24–27.
7. Зандер Л.А. Бог и мир. Мирозерцание отца Сергия Булгакова. Т. 1. Париж, 1948. 479 с.
8. Ипполитов Л.М. Христианско-этическая концепция распределения доходов С.Н. Булгакова // *Философия хозяйства*. 2013. № 5. С. 95–101.
9. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2005. 735 с.
10. Королев В.К. Проблема “модернизации” человека в философии хозяйства: С.Н. Булгаков и Ю.М. Осипов // *Философия хозяйства*. 2013. № 5. С. 36–45.
11. Кузнецов А.В. Свобода творчества против свободы потребительства: выбор за человеком // *Философия хозяйства*. 2013. № 5. С. 86–94.
12. Осипов Ю.М. *Очерки философии хозяйства*. М.: Юрист, 2000. 364 с.
13. Осипов Ю.М. *Философия хозяйства и иное* // *Философия хозяйства*. 2018. № 4. С. 36–45.
14. Роднянская И.Б. С.Н. Булгаков – публицист и общественный деятель // Булгаков С.Н. *Сочинения: в 2 т. Т. 2*. М.: Наука, 1993. С. 3–14.

15. Соловьёв В.С. Оправдание добра // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 822 с.
16. Флоренский П.А. Из богословского наследия // Флоренский П.А. Богословские труды. Сб. 17. М.: Издательство Московской Патриархии, 1977. С. 87–248.
17. Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. 878 с.
18. Шулевский Н.Б. Россия или экономика-хрематистика? // Философия хозяйства. 2013. № 5. С. 48–61.

REFERENCES

1. Bainova M.S., Petrov A.V. [Culture and Modern Economic System in the Works of Sergei Bulgakov]. In: *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy], 2013, no. 5, pp. 36–45.
2. Bulgakov S.N. *Svet nevechernii: Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading Light: Contemplation and Speculation]. Moscow, AST Publ., 2001. 671 p.
3. Bulgakov S.N. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 412 p.
4. Weber M. [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. In: Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 61–273.
5. Girenok F.I. [Horizons of the Russian Philosophy of Economy]. In: *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy], 2013, no. 5, pp. 19–35.
6. Glaziev S.Yu. [Beware of Greeks Bearing Gifts]. In: *Russkii dom* [Russian House], 2018, no. 8, pp. 24–27.
7. Zander L.A. *Bog i mir. Mirosozertsanie ottsa Sergiya Bulgakova. T. 1* [God and the World. The Worldview of Father Sergius Bulgakov. Vol. 1]. Paris, 1948. 479 p.
8. Ippolitov L.M. [S.N. Bulgakov's Christian Ethical Concept of Income Distribution]. In: *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy], 2013, no. 5, pp. 95–101.
9. Kara-Murza S.G. *Poteryannyi razum* [Lost Mind]. Moscow, Algoritm Publ., 2005. 735 p.
10. Korolev V.K. [The Problem of “Modernization” of Man in the Philosophy of Management: S.N. Bulgakov and Yu.M. Osipov]. In: *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy], 2013, no. 5, pp. 36–45.
11. Kuznetsov A.V. [Freedom of Creation Against Freedom of Consumerism: The Choice of the Person]. In: *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy], 2013, no. 5, pp. 86–94.
12. Osipov Yu.M. *Ocherki filosofii khozyaistva* [Essays of the Philosophy of Economy]. Moscow, Yurist Publ., 2000. 364 p.
13. Osipov Yu.M. [Philosophy of Economy and Other]. In: *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy], 2018, no. 4, pp. 36–45.
14. Rodnyanskaya I.B. [S.N. Bulgakov as Publicist and Public Figure]. In: *Bulgakov S.N. Sochineniya. T. 2.* [Works. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 3–14.
15. Soloviev V.S. [Good Excuse]. In: Soloviev V.S. *Sochineniya. T. 1* [Essays. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 822 p.
16. Florensky P.A. [From the Theological Heritage]. In: Florenskii P.A. *Bogoslovskie trudy. Sb. 17* [Theological Works. Coll. 17]. Moscow, Publishing House of the Moscow Patriarchate Publ., 1977, pp. 87–248.
17. Florensky P.A. *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1996. 878 p.
18. Shulevsky N.B. [Russia or Economy-Chrematistics?]. In: *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of Economy], 2013, no. 5, pp. 48–61.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алехина Евгения Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Копосов Лев Феодосьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; e-mail: koplev@yandex.ru

Глинский Андрей Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: a.v.glinsky@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Eugenia V. Alekhina – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy, Moscow Region State University; e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Lev F. Koposov – Doctor of Philology, professor, head of the Department of the History of the Russian Language and General Linguistics at Moscow Region State University; e-mail: koplev@yandex.ru

Andrey V. Glinski – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of Philosophy of Moscow Region State University; e-mail: a.v.glinsky@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алехина Е.В., Копосов Л.Ф., Глинский А.В. Экономика как нравственная категория в русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 78–94. DOI: [10.18384/2310-7227-2018-3-78-94](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2018-3-78-94)

FOR CITATION

Alekhina E.V., Koposov L.F., Glinski A.V. Economics as a Moral Category in Russian Religious Philosophy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2018, no. 3, pp. 78–94. DOI: [10.18384/2310-7227-2018-3-78-94](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2018-3-78-94)